

И я полетела в Крым. Посадку совершили в темноте. Она оказалась темнее привычной нашей. Гуще как-то. Первое впечатление: здесь просто.

Даже двойственность не мешает этому обаянию простоты. О двойственности – аэропорт называется международным. Но международные рейсы не осуществляются из-за санкций и спорного правового статуса полуострова. И аэропорт назван дважды – в 2015 г. Верховная Рада Украины присвоила ему имя Ахмет-Хана Султана. А в 2018 году в рамках проекта «Великие имена России» было проведено интернет-голосование, по итогам которого Аэропорту Симферополь присвоено имя Ивана Айвазовского. И в 2020 году тут же у аэропорта открыт ему памятник.

Второе впечатление – запах. Пахло мокрой землёй, свежими листьями, нежные нотки чего-то цветущего добавлялись в ансамбль. Не было привычного острого запаха холодной сырости. Пахло морем и близким летом.

И дальним детством. Когда всё легко. И всё радуется. И впереди – только хорошее....

Я села в такси. Водитель показался мне молодым парнем. Энергичный, разговорчивый, эмоциональный, открытый, с характерным южно-русским говором, он сразу вызвал доверие. Разговорившись с ним, я узнала, что ему 41 год и зовут его Игорь. Он рассказывал сам, иногда я задавала вопросы, получила беседа, которую я записала.

- Были когда-нибудь у нас в Крыму?

- Была. В 1971 году впервые.

- Ох, давненько! Какие-то Вы цифры говорите нереальные. Я только в 80-м родился. В Мариуполе.

- Я ещё была в 2007-м в Евпатории. Это была одна из самых неудачных поездок в жизни. Хозяйка, с которой договаривались задолго, прямо перед нашим приездом сдала жильё другим людям. Я оказалась на платформе с тремя детьми и чемоданами. Некуда было поехать. Нашла в общежитии комнату с висющими проводами, они нагревались, когда я готовила еду. А готовить приходилось на маленьком балкончике, где стояла прогоревшая какая-то плитка. Море было грязное. Жара, пыль, тоска. Спасались экскурсиями. И очень хотелось в Севастополь. Тогда не получилось.

- Ой, это они могут – обмануть, подвести. Запросто! Когда только деньги в голове... Кое-что от этого осталось. Но вообще-то, столько всего изменилось! Вот я тут часто езжу. И не верю глазам! Как было и как стало. Слушайте, школы выросли, раз – и появились. Больниц сколько стало! За 5 лет – это невероятно. Какие стали дороги... Не было тут дорог. А теперь летишь... Это вообще другая жизнь. Знаете, если бы я сам это не наблюдал, я бы не поверил, что такое возможно.

Начали с дорог. Приехали дорожные мастера из Петербурга. Каждые 30 км были созданы городки. Прямо тут построили асфальтовые заводы. Почему не местные работали? Они не очень хотели. Да и доверия к ним не было. Здесь столько пропитых совсем было! Работать разучились. Всё на взятках. Никакого закона. Почему некоторым сейчас не нравится тут? Да не получается жить, как раньше. Решалось по знакомству многое. Вот хочет она ларёк поставить, начать торговать. Пошла, деньги дала и открывается. А теперь все надо оформлять, бумажки разные подписывать. Не всегда разрешение дадут...

Здесь вот – миллиарды вложены. В дороги, в электричество. Нам-то все бесплатно. Пользуйтесь!

Светлана Завьялова

КРЫМСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Мы – очень разные. Мы – те, кто здесь и те, кто там. Мы по-разному смотрим на ситуацию. От захватского патриотизма до крайне негативного отношения к лозунгу: «Крым наш». Мне хотелось разобраться с этим. Чтобы не с чужих слов, а самой увидеть и понять, что произошло

Вот здесь едем, а здесь гора была, огромная гора такая. А теперь тут дорога. Я даже представить себе не мог, что можно на такое замахнуться. А здесь вот – был целый палаточный город. Для тех, кто захотел сюда переехать с Украины. Прямо в поле стояли палатки. Еда, душ, медицина. И пособие все получали. По 800 руб. на человека в сутки. Если семья, если четверо – 3 200 в сутки. И живите, сколько хотите. Пока жильё не найдут.

Город расти начал, вот будет светло, увидите, сколько домов растёт. Везде стройки. Ну, уехали некоторые. А население увеличилось очень. Было 300 тыс. примерно. А сейчас уж больше 800 тыс. человек. Приезжих очень много. Едут отовсюду. Больше всего из Сибири. Недавно семью вёз из Архангельска. Цены на квартиры резко подскочили. Приезжих местные недолюбливают. Конкуренция и все такое. На работу труднее стало устроиться. Вообще, спрос другой. Качество жизни поменялось... Город чистый стал. Везде новый асфальт. В советское время город мыли водой с пеной. В украинское время ничего не мыли. Сейчас вернули традицию. Красиво так – ночью медленно идут машины, одна за другой и моют....

А вот увидите в субботу в центре танцы у нас. Для тех, кому за 70. Гармония играет. А вокруг него бабулечки всякие. В рюшах. Я уже не знаю, где они эти наряды сохранили. Сумочка образца 1968 года. Танцуют вальс. Вокруг молодежь стоит. Знаете, так трогательно это всё. Их вот днём на улицах не увидишь. А увидишь, не заметишь особо. А тут вышли они, как из прошлого. И будто их время вернулось. И жив Севастополь! Сквозь времена. И ничего ему не делалось. Война была, разрушено было всё. А вот остался стержень какой-то. В людях остался. Шелуха слетает все равно. А настоящее остаётся... А что тут 9-го мая творится! Все поют! Плачут! Весь троллейбус! И хочется каждого обнять...»

Заселяемся в квартиру. Место очень хорошее, в центре города, недалеко от Графской пристани, но дом во дворе, поэтому тихо. Хозяйка, полная, пожилая, энергичная Валентина Викторовна ждала нас, и, вдевая одеяло в пододеяльник, певуче заговорила: «Ой, питерские! А я только отсюда. К внучку летала на 16-ти летие. Вот скажите мне – где вы бельё сушите? Я смотрела-смотрела на улицах. Ни одной верёвки! Но город красивый у вас. У нас тоже сейчас – загляденье. Весь центр отремонтировали. Бельенское такое стоит. А было как – вода, электричество – два часа в сутки. А потом вообще раз в неде-

лю. Что хочешь, то и делай. Дети со школы придут – кормить нечем. А как я готовлю? Ой, не хочется вспоминать. Ну, отдохайте, рада вам!»

Выйдя на следующее утро на крошечный самодельный балкончик, я поняла её вопрос про бельё. Через весь двор на уровне 4-го этажа были протянуты верёвки, и пижамки разных размеров приветственно размахивали рукавами.

Весь день я бродила по Севастополю в состоянии блаженства. Нравилось всё – подъёмы и спуски улиц, многочисленные лестницы, дома послевоенной постройки, такие знакомые мне (родом из Новой Деревни), возводимой пленными немцами в 1947 году. И такие знакомые дворики, крылечки, круглые клумбы с тюльпанами, отделённые от дороги косо поставленными кирпичиками. И запах в этих двориках тот же. Запах пробудившейся земли.

Нравилась непредсказуемость. Отсутствие прямых улиц. Когда не чувствуешь себя букашкой, ползущей по листу тетради в клеточку, а за любым поворотом можешь встретить чудо. И встречаешь его. Чудо цветущей вишни, смеющегося ребёнка, и, самое главное – чудо большого прекрасного дышащего моря.

И чудо Херсонеса. Какая древность, какая жизнь не ушла, а уснула, спряталась до поры. И, кажется, потревожишь, разбудишь и услышишь звуки большого города – крики торговцев, лай собак, скрип телег, детский плач и внезапный звон колокола над суетой и красотой незамысловатой жизни греческого полиса.

И встреча с водителем Игорем – тоже чудо. Набегавшись по Севастополю, я попросила его свозить меня в Георгиевский монастырь и на мыс Фиолент. Игорь оказался хорошим экскурсоводом. Он не то, чтобы показывал, он широко и великолепно дарил Крым. «Вот сейчас самое то – с Крымом знакомиться. Пока не жарко. А то ведь летом, знаете, мне иногда хочется свою чёрную машину в море утопить...»

...Я сейчас вам такое место покажу. Знаете, есть несколько таких мест в Крыму. Когда я устал или мне грустно, я приезжаю сюда и просто стою. Это моё место силы. Я просто смотрю и наполняюсь».

И мы лезем вверх. Мы подходим к обрыву. Игорь кричит: «Привет, старый дед!» Внизу – ущелье, заросшее лиственным лесом. Деревья стоят ещё без листьев, но пушистые из-за надутых почек. Как будто бархатные. Такое вот плюшевое ущелье. И это необыкновенно красиво. Мы молчим. А потом снова мчим куда-то. «Смотрите, это гора Крокодиль. А здесь скоро будет не протол-

кнуться от фотографов. Это персиковые сады. Смотрите, оно начинается! Ещё день – и здесь зацветут персики. Жаль, что вы уже не застанете».

И мы снова едем, лезем, заглядываем в пещеру, где стояли подводные лодки в Балаклаве, поднимаемся в гору, уже вечереет, ветер грозит оторвать от тропы. Напротив через залив гора кажется золотой от заходящего солнца. В молчании мы долго спускаемся вниз. На бережной рыбачьи и кошки. Все замерли в ожидании улова. Пахнет жареной рыбой и чайки кричат. И в который раз меня настигает чувство исполненности, правильности всего вокруг. Как будто я вписана в картину, где все уже решено художником, где нет ничего лишнего, а только самое необходимое, и только так и может быть...

...Был ещё Бахчисарай, Успенский монастырь и пещеры Чуфут-Кале. И овцы на зеленеющих склонах. И яблони в цвету. Я сидела в пещере и смотрела на всё это, пытаюсь запомнить, но не словами, а ощущениями. И думала – как хорошо, когда всё просто. Когда не думаешь о свободе самовыражения, о своём праве на всё это. А просто живёшь и радуешься происходящему. Я здесь и сейчас. И мне сейчас хорошо. И я не знаю, что будет потом...

В одном месте Игорь долго молчит, созерцая море и мыс, дорогу, ущелье и хвойный лес. И говорит тихо и просто: «Здесь живёт Бог»...

А потом Игорь вёз в аэропорт. И когда он вёз, ему позвонил отец. Из Мариуполя. Из Украины. Отец сказал, что у него один глаз перестал видеть. Игорь заметно занервничал.

«Понимаете, как я сейчас живу. Всегда палец на кнопке. Бате – 81 год. Маме тоже. Случись что, я рвану туда. Отсюда меня выпустят. Туда тоже впустят. А потом всё. Обратно с Украины меня уже не выпустят. А у меня здесь жена и сын.

У нас многие так здесь остались. Старички там померли. Кто-то чужой похоронил. Я часто про это думаю. Говорил жене – поедем туда. А она: я в войну ребёнок не повезу!

А я хочу, чтобы мои родители знали – не брошу. И хоть не выпустят, пускай там останусь, но стариков своих не брошу!...»

И чувствовалось, как ему больно.

Я не ставлю задачи убедить кого-нибудь в пользу присоединения Крыма к России. Для себя я этот вопрос решила. Хотелось поделиться впечатлениями от живого общения с жителем Севастополя. А каждый уже выбирает сам, кого слушать.